

ХЕЛЕН ЛЬЮИС

НЕУДОБНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

**ИСТОРИЯ
ФЕМИНИЗМА**

В 11 КОНФЛИКТАХ

18+

АНО АЛЬПИНА
НОН-ФИКШН

Хелен Льюис

Неудобные женщины. История феминизма в 11 конфликтах

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66996672

*Неудобные женщины. История феминизма в 11 конфликтах: Альпина
нон-фикшн; Москва; 2022
ISBN 9785001396178*

Аннотация

Патриархальная культура веками навязывала женщине идеалы кротости, жертвенного служения и смирения, роль домашнего ангела, сладость подчинения. Героини Хелен Льюис – совсем не такие. Их имена окружали скандалы. Их сажали в тюрьмы, побивали камнями, а в нынешние времена – ведь нравы смягчились – просто осмеивают.

Сложные, нетерпимые, неудобные и эгоцентричные, порой агрессивные, порой смешные – оригиналки, чудачки, выскочки, они артикулировали имплицитные проблемы и показывали ненормальность привычного. Они ломали стереотипы, заставляли общество пересматривать гендерные конвенции, меняли уклад, правовые нормы и государственные институты – в интересах всех остальных. Бесстрастный педантизм историка-архивиста и честность журналиста-расследователя,

аналитический ум, горячая эмпатия и готовность видеть малоприятную правду о своих героинях позволили Хелен Льюис написать трезвую, пронизательную, горькую, веселую и бесстрашную историю феминизма, его побед и провалов. Без патетики и ресентимента рассказать о том, как половина человечества добивалась права распоряжаться своим телом и голосом, своим временем и доходами, права ошибаться и исправлять ошибки, права быть несовершенными – быть людьми.

Содержание

Введение.	9
1. Развод	23
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Хелен Льюис

Неудобные женщины.

История феминизма

в 11 конфликтах

Переводчик *Александра Мороз*

Научный редактор *Элла Россман*

Редактор *Елена Травкина*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Руководитель проекта *А. Казакова*

Издатель *П. Подкосов*

Корректоры *О. Сметанникова, Е. Барановская*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Арт-директор *Ю. Буга*

© Helen Lewis, 2020

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО

«Альпина нон-фикшн», 2022

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и

иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

*** * ***

ХЕЛЕН ЛЬЮИС
НЕУДОБНЫЕ
ЖЕНЩИНЫ
ИСТОРИЯ
ФЕМИНИЗМА
В 11 КОНФЛИКТАХ

Перевод с английского

*Всем неудобным женищинам и Джонатану,
который живет с одной из них*

*Разумный человек приспосабливается к миру;
неразумный – упорно пытается приспособить мир
к себе. Поэтому прогресс зависит от неразумных
людей.*

Бернард Шоу, 1903 г.

Или женищины.
Хелен Льюис, 2020 г.

Введение.

Несовершенная история

Что такое неудобная женщина? Это не значит грубая, безрассудная, неприятная или капризная. Неудобство – это в первую очередь нечто трудное для понимания, и в этой книге множество таких женщин. «Черно-белый» подход к исторической личности упрощает и обедняет ее. Люди – непростые создания, каждый из нас по-своему «проблематичен». В этой книге вы познакомитесь с женщинами, взгляды которых неприемлемы для сегодняшних феминисток. Вы узнаете о женщинах, чьи взгляды были неприемлемы и для их современников. История феминизма не должна лакировать образы пионерок нашего движения или вовсе вымарывать их имена из истории, если их прегрешения представляются чрезмерными. Стоит позволить им быть столь же несовершенными – столь же человечными, – как и мужчины. «Почему молодым девушкам предписано походить на ангелов? – писала Мэри Уолстонкрафт. – Чтобы их еще больше унижали?» Совсем не обязательно быть совершенством, чтобы заслужить равные права.

Выбирать ролевую модель – это неплохая практика, но идолопоклонничество в феминизме может свести радикальное политическое движение к слащаво-глянцевой рекламе.

ной картинке. Несколько подмеченных исключений из общего правила не заменяют критику самого правила, и в попытках представить женщин в лучшем свете мы фактически переписываем историю. Возьмем безумно популярную детскую книгу «Сказки на ночь для юных бунтарок», которая разошлась тиражом более миллиона экземпляров¹. В ней сто историй, которые «придают сил, волнуют и вдохновляют» женщин, и в аннотации сказано, что это «волшебные истории героинь, которые определенно не нуждаются в том, чтобы их спасали». В рассказе о модельере Коко Шанель написано, что она хотела открыть свое дело «и состоятельный друг одолжил ей денег, чтобы эта мечта осуществилась». Там не упоминается о том, что Коко была любовницей офицера СС, а возможно, и шпионкой гитлеровской Германии. В 1930-е годы она пыталась выдавить своего «состоятельного друга» из компании, используя расистский закон, согласно которому евреям запрещено было вести бизнес. Ради того, чтобы вдохновить девочек, живущих в мире, где всем управляют мужчины, биографию Коко Шанель в книге даже не ретушируют – из нее попросту вымарывают целые куски. Как вам кажется, содействие нацистам в военное время может вдохновлять? Я думаю, нет, – однако эта героиня действительно создает впечатление, что «ее не нужно спасать».

¹ Фавилли Э., Кавальо Ф. Сказки на ночь для юных бунтарок. – М.: Бомбора, 2018. (Цифры продаж указаны для оригинала: Favilli E., Cavallo F. Goodnight Stories for Rebel Girls. – Прим. ред.)

Настоящая Коко Шанель была умной и предвзятой, одаренной, циничной и – интересной. Ее бледная копия, отмытая дочиста, до светлого образа феминистской святой, не интересна никому.

Такой подход простителен в детской книге, но подобная потребность у взрослых людей настораживает. Мы не можем прославлять женщин, очищая наш рассказ от политики – а значит, и конфликтов. Разверните транспаранты и не задавайте лишних вопросов! Так складывается история феминизма, где наши противники или предстают забавными карикатурами, или почему-то исчезают, где не было ни сложных компромиссов, ни внутренних противоречий. В ней Единственно Верный Путь очевиден и все Хорошие Люди идут в этом направлении. Феминистки находятся в авангарде истории, и осталось только дожидаться, когда все остальные нас нагонят.

В жизни этого не происходит. Все было бы куда проще, если бы для триумфа феминизма требовалось победить лишь пару нелепых монстров. Однако такие гротескные сексисты, как Дональд Трамп, оказываются у власти, потому что за них голосуют. Многие женщины выступали против суфражизма; женщины – основные потребители журналов и сайтов, где другим женщинам указывают на их физические изъяны; за право на аборты одинаково голосуют мужчины и женщины. Люди сложны – и у прогресса сложные пути. Если современный феминизм выглядит беззубым, то лишь потому, что фе-

министки либо славят женщин, либо борются с откровенными подонками. Мы не готовы иметь дело со сложностью, а потому не способны ничего изменить к лучшему.

История женщин не должна превращаться в поиск безупречных героинь. Я часто вижу, как одни феминистки осуждают других за то, что те любят Панкхерстов (аристократов), Андреа Дворкин (слишком агрессивная), Джейн Остин (слишком буржуазная), Маргарет Этвуд (ее в случаях домогательств волнует в первую очередь соблюдение судебных процедур) и Жермен Грир (с чего бы начать?). Недавно я читала статью, в которой писали, что я «создаю лишние проблемы», выражая сочувствие Бретту Кавано, представленному к назначению в Верховный суд США. Мое преступление заключалось в том, что я назвала заседание, где утверждали его кандидатуру, «медийным цирком», которого не заслуживает даже обвиняемый в сексуальных домогательствах². Критика показывает, что люди отчаянно хотят видеть простые решения сложных вопросов. Борьба несовершеннолетних людей в сложно устроенном мире больше не нужна, есть только «плохие парни» и «хорошие парни», и их легко отличить друг от друга. Это наивная и слабая позиция, которой следует про-

² 16 сентября 2018 года профессор психологии Кристин Форд (Christine Blasey Ford) обвинила Кавано в сексуальных домогательствах и попытке изнасилования. По ее словам, это произошло в начале 1980-х годов, когда они были несовершеннолетними подростками (Кавано тогда было 17 лет, Форд – 15). В течение той же недели еще две женщины сообщили о домогательствах со стороны Кавано. – *Прим. науч. ред.*

тивостоять. Я хочу восстановить портреты первых феминисток во всей их сложности и неоднозначности. Их наследие может быть пересмотрено, возможно, они выбирали неудачные стратегии или не руководствовались в жизни собственными идеалами. Но они важны для нас. Их сложность – это часть нашей истории.

У слова «неудобный» есть и другой смысл. Выступая за свои права, вы всегда встретите противодействие, а прогресс всегда чреват ответной реакцией и откатом назад. Менять мир – это сложно. В мае 2018 года, ожидая в Дублинском замке результатов референдума по закону об абортах в Ирландии, я увидела плакат: «Без борьбы нет прогресса». Это слова Фредерика Дугласа, американского борца с работорговлей. Он пытался объяснять людям, что «права не дают, права берут». Иными словами, активисты должны сами действовать решительно. Их не может удовлетворить ответ «нет». «Те, кто говорят, что любят свободу, но выступают против активной борьбы за нее, хотят собрать урожай, не вспахав поле, – утверждал Дуглас. – Они хотят дождя без молнии и грома. Они хотят, чтобы в океане не ревели могучие воды». Если вы меняете мир, люди не станут любить вас за это. Это будет причинять вам боль. Это тяжело. Вам придется бороться. Вы должны осознавать, на какую гору взбираетесь, и все равно пойти ее покорять.

Кроме того, быть женщиной вообще сложно. Женщинам всегда нелегко соответствовать миру, который построен для

мужчин. Симона де Бовуар называла нас «вторым полом». Наши тела отличаются от мужских, которые считаются эталоном. Наши сексуальные желания традиционно изображали как изменчивые, неясные и непредсказуемые. Наш жизненный опыт остается загадочным и непостижимым; наш разум – это «темный континент» Фрейда. В дуалистической картине мира мы находимся на его «неправильной» стороне. Мужчины серьезные, женщины глупые. Мужчины рациональные, женщины эмоциональные. Мужчины сильные, женщины слабые. Мужчины стойкие, женщины переменчивые. Мужчины объективны, женщины субъективны. Мужчины – это человечество в целом, а женщины – его подмножество. Мужчины хотят секса, а женщины «дают» или отказывают. Мужчины смотрят, а женщины – те, кого рассматривают. Когда мы оказываемся жертвами, нам с трудом верят. «В сердце феминистской борьбы за то, чтобы изнасилование на улице, свидании, в браке, домашнее насилие и домогательства на рабочем месте считались преступлениями, была необходимость сделать так, чтобы женщинам доверяли, чтобы их слышали, – писала Ребекка Солнит в статье «Мужчины объясняют все» (Men who explain things). – Миллиардам женщин на этой планете, где проживает шесть миллиардов человек, говорят, что они не являются надежными свидетелями собственной жизни, что за ними нет и не будет правды». Борясь за равные права, женщины часто наталкиваются на стену недоверия: существует ли проблема, если о ней говорят

только женщины? Мы же знаем, насколько женщины неразумны.

Наконец, есть еще одно значение понятия «неудобная женщина», которое я хочу выделить в этой книге. Любую историю феминизма следует начинать с признания того, что большинство революционеров... не самые приятные люди. А женщинам всегда говорили, что нужно быть приятными. Девочек учат вести себя как «леди», т. е. быть тихими и послушными. («Из платочков и клубочков, из загадок и мармеладок сделаны наши девчонки».) Материнство превозносится как путь бесконечного самопожертвования. Случайные люди на улице бросают нам: «Чего такая хмурая? Улыбайся!», а то, не ровен час, выражение нашего лица испортит настроение встречному. Если мы повышаем голос, нас называют «крикливыми». Наши амбиции вызывают подозрения. Наш гнев изображается неестественным, жутким, безобразным: кто будет слушать «клячу», «истеричку» или «злую черную гримзу»? И от этого мучительно трудно шагнуть вперед, и во весь голос заявить о проблемах, и продвигаться к культурным и законодательным реформам.

* * *

Мое любимое определение феминизма дала автор из Нигерии Чимаманда Нгози Адичи. По ее словам, феминистка – это та, кто верит в «социальное, экономическое и политиче-

ское равенство полов». Это звучит прямолинейно, но феминизм невероятно сложен. Я решила написать эту книгу, потому что я устала от этой сложности. Когда я думаю о четвертой волне, всплеске активизма, который происходит с начала 2010-х годов, мне кажется, что мы начали поздравлять друг друга слишком рано, ведь настоящих побед крайне мало и в феминизме наступил застой. Во всем мире, от Владимира Путина в России до Нарендры Моди в Индии и Жаира Болсонару в Бразилии, популисты и националисты настаивали на возвращении к традиционным гендерным ролям. Президент США хватал женщин за киску – ведь «когда ты звезда, они не возражают». Движение #MeToo свелось к разговорам о спорных случаях и не привело к существенным правовым реформам. Право на аборт находится под угрозой в Восточной Европе и на юге США и отсутствует в Северной Ирландии. Случаи групповых изнасилований потрясли Индию и Испанию. Бесплатные общедоступные детские сады и ясли остаются столь же далекой мечтой, какой были в 1970-е годы.

Были у меня и свои тревоги. Мне казалось, что феминистское движение раздроблено как никогда ранее, и это препятствует прогрессу в конкретных вопросах. В феминизме стали слышны сплошные маргиналы и нет фокуса. Бури в Твиттере и культура мгновенного осуждения напугали сексистов-рекламодателей и невоздержанных на язык политиков, но стоит ли за всей этой шумихой реальное движение

вперед? «Культура отмены» убедила нас в том, что репутация любой феминистской иконы хрупка и недолговечна. Часто мы едва успеваем вознести новую героиню, как уже поворачиваем ее во прах. «Сестринство – это мощная сила, – сказала однажды активистка второй волны Ти-Грейс Аткинсон. – Оно убивает. В основном сестер». Феминизм часто увязал в мелких спорах, и я заметила, что молодые женщины преуменьшают достижения своих предшественниц. «Отмените вторую волну», гласил один заголовок. Когда я говорила на одном мероприятии о битвах за равную оплату труда и о приютах для жертв домашнего насилия, двадцатилетняя женщина небрежно бросила в ответ: «Да, но все это давно улажено».

Мне трудно винить этих женщин, потому что раньше и я посматривала свысока на вчерашние битвы. Но, все больше погружаясь в материал, я осознавала истинные масштабы достижений феминизма и трудности, которые пришлось преодолеть тем, кто был первыми. Я все больше уважала их и все более сочувственно относилась к компромиссам, на которые они пошли. Я пыталась представить, каково им было – выживать в сексистском офисе 1960-х годов, отбиваться от приставаний и помогать тем, кто слабее. Могла ли я стать такой толстокожей, чтобы утверждать, что женщины не должны больше считать себя жертвами? Возможно. Я пыталась поставить себя на место викторианских реформаторов образования, которые учреждали женские колледжи. Я решила, что, как и они, я, наверное, подчеркивала бы респек-

табельность образования, вместо того чтобы изображать его как радикальную, освобождающую силу. Стала бы я бросать бомбы или терпеть пытки в тюрьме, чтобы получить право голоса? Я сомневалась в этом. Рассорилась бы я с другими феминистками? В этом я совершенно уверена.

Все это заставляло меня думать о том, как мы дошли до сегодняшнего момента, в надежде понять, куда двигаться дальше. Какие стратегии работают? На какие жертвы стоит идти ради благих целей? Какие альянсы позволительны на пути к общему благу? Что нужно сделать женщинам, чтобы к ним относились как к полноценным гражданам, как к независимым людям, как к главным действующим лицам в пьесе их собственной жизни? Нам все еще платят меньше. Мы все еще выполняем больше неоплачиваемого труда. Нас все еще насилуют и убивают, мы все еще подвергаемся жестокому обращению со стороны мужчин. Нас все еще учат ненавидеть наше тело. Мы все еще умираем из-за того, что исследования снотворного и ремней безопасности не проводятся с учетом особенностей женского тела. Мы все еще недостаточно представлены в политике. Женщины все еще составляют только треть говорящих персонажей в голливудских фильмах. Феминизм выиграл много сражений, но война еще не окончена.

Чтобы собрать все истории воедино, друг предложил назвать книгу «Неудобные женщины». Это было тем летом, когда Тереза Мэй баллотировалась в лидеры партии консерваторов, а ее опытного соперника-парламентария Кена Кларка

поймали (восхитительно) в ходе живого выступления на том, что он назвал ее «чертовски неудобной женщиной». Американская феминистка Роксана Гей использовала эту фразу как название сборника рассказов 2017 года. Под этим же названием вышли и мемуары Дэвида Планта о Соне Оруэлл, Жермен Грир и Жанне Рис, опубликованные в 1983 году, – когда я только родилась.

Повсюду появлялись Неудобные женщины. Слово звучало вновь и вновь, когда женщины пытались показать, как их наказывают за то, что они заявляют о сексизме. Телеведущая Хелен Скелтон описала, как один из собеседников в прямом эфире облапал ее, когда она была беременной. По словам Скелтон, она не стала жаловаться на обидчика, потому что «такова культура, которую порождает телевидение. Никто не хочет быть неудобной женщиной». Актриса Дженнифер Лоуренс рассказала голливудскому репортеру, что однажды она дала отпор грубому режиссеру. После этого продюсер отозвал ее в сторону и назвал «неуправляемой». Инцидент заставил ее тревожиться, что она будет отвергнута киноиндустрией. «Точно, – заметила коллега Дженнифер, актриса Эмма Стоун, насмешливо комментируя упрек продюсера. – Ты была "неудобной"». Все эти люди транслируют одну и ту же идею, которая впечатывается в нас с рождения: женщин считают неразумными, эгоистичными и мужеподобными, когда они осмеливаются постоять за себя. «Я сама никогда не могла понять, что такое феминизм, – писала Ребекка Уэст в

1913 году. — Я знаю только то, что люди называют меня феминисткой всякий раз, когда я выражаю чувства, которые отличают меня от коврика под дверью или от проститутки».

* * *

История феминизма в более привычном понимании, пожалуй, должна была бы начинаться в 1792 году с книги Мэри Уолстонкрафт «В защиту прав женщин» (*A Vindication of the Rights of Woman*). Но я не историк, и моя книга не историческая. Как и многие женщины, я пришла к феминизму через острое ощущение несправедливости отдельных аспектов моей жизни, которое я была неспособна внятно выразить. Феминизм дал мне язык для осмысления моего опыта и того, что я видела вокруг. Он дал мне понять, что я не одинока. Он заставил меня почувствовать гнев за всех тех женщин, которые не смогли реализоваться из-за несправедливых законов и практик. Он познакомил меня с самыми хорошими и яркими людьми, которых я знаю.

Я хочу разобрать феминизм на винтики и досконально изучить механизм, который делает его столь мощной силой. Рассматривая разные битвы: за право голоса, за право на развод, за возможность учиться в университетах, — я хочу показать, как происходят перемены и как много еще предстоит сделать. Мы также увидим досадные компромиссы, внутренние конфликты и ту ответную реакцию, которая со-

проводит любую попытку изменить статус-кво. Выбирая определенные битвы и конкретных женщин, я сосредоточилась на Британии, моей родной стране, но многие модели, аргументы и противоречия универсальны. Британский феминизм сформирован не только отсутствием у нас единой конституции, нашей парламентской системой и официальным статусом христианской страны. На него влияли и более глобальные явления, такие как иммиграция, снижение рождаемости и выход женщин на рынок труда. Я старалась не касаться утомительных онлайн-баталий, таких как ритуальные споры вокруг языка³, потому что слова не так важны, как действия. Моя галерея портретов неудобных женщин эклектична, но все они были главными действующими лицами в различных битвах. У каждой из них есть чему поучиться, и нам не стоит вымарывать из их биографий сложности.

Никто не может написать окончательную историю феминизма – есть много историй и много феминизмов. Тем не менее нужна смелость, чтобы вообще выбрать какой-то тип истории. Мы живем в крайне индивидуалистическую эпоху, и женщины часто остерегаются говорить о чем-то, кроме собственного опыта. Возможно, это благоразумно и безопасно, но это также злоупотребление привилегиями со стороны тех, кто ими обладает. Мы не должны говорить от имени других

³ В Британии нет спора о феминитивах, но есть дискуссии об использовании разных терминов, например, как верно говорить: «проституция» или «секс-работа». Тут речь о таких спорах. – *Прим. науч. ред.*

женщин, но мы не можем ограничиться разговором только о себе. Миллион разрозненных воспоминаний не делают истории. Чтобы добиться политического прогресса, мы должны относиться к женщинам не просто как к собранию отдельных людей. Мы – это класс, который объединяют общие проблемы и который разделяют различия. Феминизм должен быть достаточно открытым, чтобы принимать тот факт, что принадлежность к таким группам, как «лесбиянки», «мигрантки», «неверные жены», может мешать женщинам не меньше, чем их гендер. Нет универсального способа быть женщиной, нет универсального образца женственности. Многие крупные битвы, которые до сих пор бушуют, так же осложняются различиями между женщинами, как и различиями между нами и мужчинами.

Чего не хватает этой книге? Множества вещей – в этом и суть. Это неполная, несовершенная, личная история феминизма, и я надеюсь, что пробелы в ней выглядят не как недочеты, а как приглашение к диалогу. Я с нетерпением жду других историй.

Но начать придется с себя – сидящей в ресторане и размышляющей о том, как получить развод.

1. Развод

Вы не узнаете мужчину, пока не разведетесь с ним.

Жа Жа Габор

Не помню, какой был день и месяц, но помню, где это было: в суши-баре торгового центра «Вестфилд Стратфорд», Восточный Лондон. Мне не было и тридцати. Я осознала, что больше не хочу быть его женой, и рассказала об этом своей лучшей подруге Лоре. Оставалась только одна проблема. *Как получить развод?*

Через несколько минут интенсивного поиска в *Google* мы нашли три основания для относительно быстрого развода: уход из семьи, неадекватное поведение или измена. Все эти варианты предполагали, что один из партнеров берет на себя вину за крушение брака. Если развестись хочется без взаимных обвинений, нужно два года проживать раздельно – или пять лет, если ваш супруг оспорит решение.

На момент замужества мне было двадцать лет с небольшим. Белая девушка из среднего класса, с ученой степенью и собственной колонкой в журнале – все это распаляет амбиции и дарит чувство превосходства. На работе мне уже давали административные функции: у меня в подчинении было полдюжины человек, и периодически я писала им: «Свяжи-

тесь со мной по такому-то вопросу». И все-таки я вступила в брак, не обременяя себя раздумьями о том, как буду из него выбираться.

Мне невероятно повезло: мой теперь уже бывший муж оказался вполне джентльменом, и мы закончили отношения и разорвали брачный контракт со всем возможным уважением и с тем минимумом разногласий, который возможен в данной ситуации, – благо у нас не было ни общего имущества, ни детей. Но подавляющее большинство женщин в истории могли только мечтать о том, что мне удалось осуществить в 2013 году, потому что развод означает для женщин нечто особенное. Он означает, что общество считает вас полноправным гражданином, самостоятельным человеком.

Будь моя воля, история бракоразводных законов была бы столь же хорошо известна, как борьба за однополые браки. До 1870 года, когда был принят Закон о собственности замужних женщин, юридический статус женщины менялся у алтаря: из *feme sole* (в переводе с нормандского «одинокая женщина») она превращалась в *feme covert* («"покрытая", или замужняя, женщина»). С этого момента она больше не могла управлять имуществом, подавать судебные иски или участвовать в судебных процессах, зарабатывать собственные деньги, составлять завещание или подписывать договоры. До 1926 года английские женщины не могли владеть собственностью наравне с мужчинами.

Согласно традиционному определению, брак предполагал

«единство», но не равенство супругов: женщины находились на иждивении, и их юридический статус был не выше, чем у ребенка. Как писал английский судья Уильям Блэкстоун в 1765 году, «в браке муж и жена – это юридически одно лицо; иначе говоря, самостоятельное существование или, точнее, юридический статус женщины в браке приостанавливается или как минимум становится частью статуса ее супруга: во всех аспектах жизни она находится под его опекой, защитой и покровительством». Муж не мог ничего подарить жене, добавлял Блэкстоун, ведь «подарок предполагает ее отдельное существование».

* * *

Спустя семьдесят лет Каролина Нортон приходит к схожим выводам. «У женщины нет личного предназначения, это очевидно, – пишет она в 1836 году. – Она принадлежит тому, кого ее поведение может так или иначе дискредитировать». Муж Каролины, Джордж Нортон, отказывался принять финансовое соглашение, которое гарантировало бы их раздельное проживание. Пока супруги жили вместе, Джордж избивал жену так, что приходилось вмешиваться слугам. Когда она ушла, он продал ее имущество и не давал видеться с детьми. Но она продолжала противиться воссоединению, и он подал на Каролину в суд, обвинив ее в адюльтере с давним другом, премьер-министром лордом Мельбурном. Этот

скандальный судебный процесс обнажил сущность викторианского брака как формы собственности.

Каролина Нортон, по общему признанию, была деятельной и обаятельной женщиной. Она дружила с литераторами и философами, писала повести и рассказы. Чарльз Диккенс говорил, что Каролина и ее сестра – «любимицы богов»; в нее был влюблен художник Эдвин Ландсир. Джордж, напротив, был несостоятелен и как адвокат, и как человек. Он частенько вымещал досаду на своей остроумной, популярной жене. Ее дружбу с лордом Мельбурном он поначалу поощрял, рассчитывая, что она сулит ему продвижение по службе и благосклонность общества, но затем начал ревновать. Это известная опасность: мужчина, думая, что женщина ему «принадлежит», пытается управлять ее телом или умом ради наживы⁴. В общем, Джордж подал на жену в суд за измену.

Историк Дайан Аткинсон в книге «Преступные беседы миссис Нортон» (The Criminal Conversation of Mrs Norton) подчеркивает сексистский аспект иска против Каролины. Если она была с другим, значит, ее муж был лишен «семейной гармонии и любви», которые причитаются ему по закону. По брачному контракту Джордж практически приобретал эксклюзивные права на влагалище жены. Ограничение

⁴ Отчасти история Каролины напоминает мне то, как Дженна Джеймисон описывала бойфрендов / менеджеров порноактрис, которые видят в своих партнершах источник пропитания и одновременно ревнуют к их славе.

этих прав было преступлением столь серьезным, что он запросил компенсацию в 10 000 фунтов – миллион по сегодняшнему курсу – за причиненный ему ущерб. Все адвокаты, судья, освещавшие процесс репортеры были мужчинами; единственные женщины в этом деле – служанки Каролины Нортон, которых пригласили дать показания против нее. Каролина ни разу не явилась в суд; она скрывалась от любопытных глаз в имении своей матери в Хэмптонкорте.

Ведущий адвокат Джорджа Нортон, сэр Уильям Фоллетт, пообещал, что выставит напоказ грязное белье этой пары – в буквальном смысле слова. В 1830-е годы ночная сорочка Каролины Нортон стала так же знаменита, как в 1990-е – синее платье Моники Левински со спермой Билла Клинтона. По словам Фоллетта, на сорочке были «те самые следы, что остаются после соития». Одна из служанок была вынуждена дать показания, что Каролина румянилась перед визитами лорда Мельбурна. Извозчик рассказал в суде, что видел, как Каролина лежала на полу, оголив «мясистую часть бедра», а премьер-министр сидел рядом на стуле; команда адвокатов Мельбурна заявила, что извозчик – подкупленный пьяница. (Защита во многом строилась на утверждениях, что показания слуг в этом деле ненадежны и не заслуживают доверия.) Генеральный прокурор сэр Джон Кэмпбелл сказал, что Джордж и Каролина спали вместе и после якобы свершившейся измены, а ведь «каждый знает: если женщина завела любовника, на супруга она смотрит свысока, с ненави-

стью и омерзением». Разбирательство длилось девять дней 1836 года, и наконец в 11:40 вечера был вынесен приговор: суд присяжных отклонил иск Джорджа Нортон. Никакого ущерба он не понес.

Однако репутация Каролины Нортон была запятнана навсегда. Никто не сомневался, что она флиртует, если не спит, с другими мужчинами, в том числе с самим лордом Мельбурном. К тому же после суда оказалось куда *сложнее* получить развод. Ее признали невиновной в измене, и теперь, чтобы добиться законного расторжения брака, нужно было доказать, что *Джордж* переспал с другой. «Они были прикованы друг к другу, пока смерть не разлучит их, – пишет Аткинсон. – Уехав и проживая отдельно, Каролина автоматически лишалась права видеться с детьми, и в этом Джордж был непреклонен. Каролина не могла изменить взгляды мужа, поэтому она стала менять закон».

В некотором смысле мы должны быть благодарны Джорджу Нортону. Он оказался таким конченым мудаком⁵, что просвещенная общественность почти единодушно приняла сторону Каролины. «Мой муж любит делать мне милые комплименты: например, он сказал, что все посвященные в это гнусное дело были на моей стороне, потому что я обаятельная, а не потому, что я права», – писала она. Каролина

⁵ Выражение *spherical bastard* придумал швейцарский астрофизик Фриц Цвикки для описания людей, которые ведут себя как ублюдки, с какой стороны ни взгляни.

определенно была умнее мужа. Когда Джордж заявил, что у нее нет права распоряжаться финансами, она стала выдавать долговые расписки, а затем говорила кредиторам, чтобы те подавали иски на его имя.

Когда судебное разбирательство закончилось, Каролина написала Мэри Шелли, дочери одной из первых феминисток Мэри Уолстонкрафт, что «мужские законы, которые делают женщин беспомощными париями», приводят ее в ярость. После суда она проснулась знаменитой – в самом неприятном смысле слова. О ней писали в газетах, ее высмеивали карикатуристы, но ей не давали говорить за себя. К тому же она не могла увидеть детей – семилетнего Флэтчера, пятилетнего Бринсли и трехлетнего Уильяма Чарльза; она боялась, что муж станет жестоко обращаться с младшими, если решит, что их настоящий отец – лорд Мельбурн.

Она подавала прошения о совместной опеке – чтобы иметь возможность забирать мальчиков на половину школьных каникул, а не на случайно выпадающий час-другой с разрешения супруга. Ее прошение отклонили. Когда мальчики оказывались в Лондоне, она бродила по парку Сент-Джеймс в надежде их увидеть. Один раз ей удалось уговорить лакея, и он впустил ее в дом, пока не было Джорджа. Но в августе тот увез мальчиков в Шотландию к своей сестре Грейс; Каролина пришла не на тот причал и не смогла даже попрощаться с ними. Когда дети приехали в дом Грейс, та поколотила старшего, Флэтчера, застав его за чтением письма от

Каролины. В наказание за небольшую провинность Бринсли раздели догола, привязали к кровати и высекли. Джордж использовал детей как оружие против Каролины. Это была месть за ее «сложный характер»: за непослушание, за флирт с другими мужчинами, за то, что она выставила мужа на посмешище.

В несчастном браке Каролина вносила свою лепту в семейный бюджет, публикуя романы, такие как «Печали Розали» и «Бессмертный». Теперь она писала памфлеты о положении женщин. «Я думаю, "слабому полу" пора узнать, что есть такой закон, который не дает им права на собственную плоть и кровь», – писала она Мэри Шелли. Ее сестра Джорджия не советовала Каролине писать столь гневные памфлеты, но та сочла, что сдержанность и учтивость будут выглядеть слабостью.

В трактате, посвященном законам об опеке, Нортона продемонстрировала, что мужчины используют детей, как пешки. «Закон не в силах обеспечить женщине хотя бы эпизодические встречи с детьми, даже если она докажет, что муж ее избивал или завел любовницу, – писала она. – Право отца на опеку абсолютно и непреложно, а притязания матери его не заботят, словно ее попросту не существует». Нортона писала, что «бастардов» – внебрачных детей – до семи лет растят матери, но женатый отец может забрать их силой «*даже в грудном возрасте*» (курсив автора). Поэтому жена, даже если муж ей изменял, бил или иным способом делал их брак

невыносимым, все же неохотно расставалась с ним. И хотя уход женщины уязвлял мужскую гордость, в бракоразводном процессе закон тем не менее отводил мужчине роль «обвинителя и судьи». Мужья, «без сомнения, обозлены, оскорблены, в девяти из десяти случаев *жаждут возмездия* за реальный или воображаемый ущерб. И этим ожесточенным, исполненным ярости людям закон вручает то, что едва ли может быть доверено кому-либо из людей и в спокойнейший час его жизни, – **ДЕСПОТИЧЕСКУЮ ВЛАСТЬ!**»

* * *

После суда Джордж годами мучил Каролину, то разрешая, то запрещая видеться с детьми. Она встречалась с ними нечасто, поскольку он все время менял условия и требования. Впрочем, постепенно памфлеты и настойчивость Каролины возымели действие. По результатам дела Нортон в парламенте начали обсуждать новый закон. Он давал матерям право опеки над детьми до семи лет и гарантировал возможность видеть их впоследствии. Законопроект вызвал мощное сопротивление в палате лордов, которые усмотрели в нем нападки на традицию брака, а следовательно, на все патриархальное общество. В одной газете Каролину называли «известной пропагандисткой», а она отвечала, что «красота и добродетель женщины главным образом зависят от того, насколько осознанно она подчиняется мужчине». Для того

чтобы законопроект приняли, ей нужно было выглядеть добропорядочной и безобидной леди.

В 1839 году члены парламента приняли закон об опеке над малолетними детьми; Дайан Аткинсон называет его «первым феминистским законодательным актом в Великобритании». Отныне женщины, не обвиненные в «преступной связи» (неверности), могли законно видеться с детьми, проживая раздельно с супругом или после развода. (Если, конечно, они были достаточно состоятельны, чтобы отстоять это право в суде.) К несчастью, этот закон действовал только в Англии, Ирландии и Уэльсе, тогда как сыновья Каролины Нортон проживали в Шотландии.

Супруги продолжили игру в кошки-мышки. В 1840 году Каролина сняла коттедж на острове Уайт, и Джордж обещал прислать к ней детей. Он их не прислал. Она написала ему письмо, и на этот раз он предложил ей встретиться с детьми в Лондоне. Он их не привез. Каролина узнала, что дети находятся в одной английской школе-пансионе, и отправилась туда. Ее не пустили к ним. В сентябре 1842 года младший сын Каролины поцарапал руку, упав с лошади в усадьбе отца в Кеттлторп-холле, и заболел столбняком. К моменту прибытия Каролины ее девятилетний сын уже лежал в гробу. Вот его последние слова отцу: «Похоже, я умираю. Скоро я задохнусь, помолись за меня».

Судя по всему, смерть ребенка вызвала у Джорджа подобие раскаяния, потому что Каролина получила разрешение

провести Рождество с двумя оставшимися в живых сыновьями, а впоследствии они стали видеться чаще. Флэтчер заболел туберкулезом и был отправлен на лечение в Лиссабон, Бринсли уехал учиться в Оксфорд. Дети выросли, и Джордж уже не мог запретить им видеться с матерью. Тем не менее Каролина продолжала свою кампанию, и законодательство постепенно менялось. Закон о браке 1857 года разрешал проводить слушания дел о разводе в местных судах, а не в парламенте. Однако мужья оставались в сильной позиции, так как им для развода достаточно было измены; женам для этого требовалось доказать иной «ущерб», например инцест, жестокое обращение или уход к другой женщине. Эти двойные стандарты были устранены только с принятием Закона о браке 1923 года.

В начале и середине XX века реформы продолжались, и сегодня в Англии и Уэльсе, по данным Национальной статистической службы, разводится более 100 000 пар в год. В долгу у Каролины Нортон не только те женщины, которым удастся получить развод, но и те, кто еще только готовится вступить в брак. Ее кампания изменила значение брака для женщин: он перестал быть сделкой купли-продажи и постепенно превращается в договор двух равных партнеров.

Каролина Нортон – непростая героиня для современных феминисток. «Для женщины естественно подчиняться мужчине, – писала она. – Аминь! Так завещал нам Бог, а не человек. Я никогда не поддерживала варварскую и смехотвор-

ную идею о равенстве полов». По ее словам, она лишь тень своего мужа, «как луна в облаках рядом с ярким солнцем». Ее аргументация строилась на традиционных представлениях о святости и жертвенности материнства и о собственном социальном статусе. Она хотела жить лучше, чем прислуга или падшие женщины, имевшие внебрачных детей. Сегодня мы назвали бы это политикой добропорядочности – верой в то, что маргинальные группы могут избежать дискриминации, изображая «респектабельность». Это опасная ересь, ведь власть имущие определяют, что считать хорошим поведением. Права должны быть всеобщими и не зависеть от того, симпатичен ли истеблишменту человек, который борется за свои права. Иначе не избежать возражений: «Извините, мы бы и рады вам помочь, но вы ведете себя невыносимо...»

* * *

Мой развод был далеко не таким тяжелым, как у Каролины Нортон, но все-таки довольно унижительным опытом. В свадебной индустрии вращаются миллиарды фунтов, однако в журналах и на интернет-форумах, где женщины называют себя «будущими миссис Х», ничего не говорится о механике разводов. Дело не в том, что они не приносят прибыли, – я могу показать таунхаусы в Ридженси, заработанные адвокатами на бракоразводных процессах, – а в том, что это до сих пор считается позором. Развод – это личная неудача.

Конечно, после развода я чувствовала себя неудачницей: словно своими руками разбила рамку с фотографией счастливой жизни. Я разочаровала родителей. Пятеро или шестеро друзей отвернулись от меня. Мне казалось, все вокруг видит, что я сняла с руки обручальное кольцо, хотя вряд ли хоть кто-то это заметил. Поженившись, мы взяли двойные фамилии, так что мне пришлось менять документы. Это ощущалось как публичное признание личного позора.

Когда в 2015 году я снова вышла замуж, то наотрез отказалась брать фамилию супруга. Если имя вообще может быть чьим-то, то мое имя – Хелен Льюис. Да, Льюис – это фамилия моего отца, она передается по мужской линии, но я ношу ее с рождения. Так зовут *меня*. Да и какие, собственно, другие варианты есть у женщины? Гражданский активист Малькольм Икс⁶ вообще отбросил свою фамилию – он писал в автобиографии: «"Икс" заменил мне Литтл, фамилию белого рабовладельца, которой некий голубоглазый дьявол заклеил всех моих предков по отцовской линии». Но многие ли из нас пойдут на такой радикальный шаг? Одна знакомая пара перемешала свои фамилии и получила новую; это также решило проблему с именем детей⁷.

Традиционное восприятие брака как формы владения имуществом великолепно отражают имена из «Рассказа слу-

⁶ Американский активист за права темнокожих. – *Прим. науч. ред.*

⁷ Но это неудачное решение, если девица Стоянова выходит замуж за мужчину по фамилии Каяк.

жанки» Маргарет Этвуд: Фредова, Уорренова, Гленова. Это патронимы: к имени хозяина прибавляли «-ова». Прежняя идентичность Фредовой стирается вместе с именем, когда ее перевоспитывают в служанку. Отныне она собственность Фреда. Однако превращение во Фредову мало чем отличается от превращения в «миссис Джон Смит», как и сегодня пишут в приглашениях на светские мероприятия. В конце 1960-х годов активистка Шейла Майклс активно боролась против статуса «мисс» или «миссис» и за утверждение «статуса женщины, которая не принадлежит мужчине». Она добилась своего. Благодаря журналу *Ms*⁸, учрежденному в 1971 году, слово «миз» за одно поколение из диковинки превратилось в языковую норму.

Нравы Республики Гилеад в «Рассказе служанки» могут шокировать, но то, что женщины, имеющие карьеру и банковский счет, с такой готовностью стирают самый очевидный знак своей идентичности – имя, шокирует еще сильнее. А ведь многие даже считают это романтичным. «Мы единый организм», – читаю я в какой-то статье. И это – *его* организм. В странах, где придерживаются английских правил присвоения имен, женщина берет фамилию супруга – и стирает собственную семейную историю, свою прежнюю жизнь и обнуляет результаты поиска в *Google*. Женщин сложнее найти и

⁸ Американский феминистский журнал, которые предложил новую форму обращения к женщине «миз». В ней не фиксируется семейное положение той, к кому обращаются

в приходских книгах, и в исторических документах. Порой все, что от них остается, – лишь фамилия супруга: «миссис Смит», «миссис Таннер», «миссис Картрайт».

Есть и другие следы того, как брак стирает идентичность женщины. При регистрации брака вам задают вопрос о профессии отца – но не матери. В свидетельстве о браке есть строки для данных об отце – но не о матери. Дети матерей-одиночек и лесбиянок оставляют эти графы пустыми. Мы с мужем отказались вписывать туда одного родителя. Секретарь выглядел уязвленным, но вынужден был согласиться⁹. Конечно, это уже никого не удивляет, поскольку распространено повсеместно. Но, по сути, «миссис Икс» – это просто еще один вариант Фредовой. Одна из сложнейших задач феминизма – показать, как традиция извращает наше представление о вещах и заставляет считать, что текущая политика обусловлена естественными и нерушимыми законами.

Идея о том, что «покрытая» женщина (*feme covert*) в юридическом смысле – просто придаток мужа наряду с детьми, звучит строго викториански. Но последствия ее ощущались много позже и не ограничивались регистрацией браков. Моя мать, которая в 1970-е годы была слишком занята кухней и пеленками, чтобы включаться в какую-либо политическую

⁹ В 2018 году Закон о регистрации брака был принят в первом чтении в палате общин. Цифровая регистрация брака давала бы возможность вписывать имя матери. Дальнейшее прохождение законопроекта было заблокировано в связи с роспуском парламента перед всеобщими выборами в 2019 году.

активность, рассказывала, как она разозлилась, обнаружив, что ее детей могут вписать только в паспорт отца. В Великобритании эту проблему решили в 1998 году, выдав детям отдельные паспорта, но даже сегодня к женщинам, у которых дети носят другую фамилию, на границе порой относятся с подозрением.

Впрочем, если вы сменили фамилию и чувствуете, что мои слова несправедливы, – поверьте, я не считаю вас плохой и слабовольной женщиной. Мне близка феминистская формулировка Симоны де Бовуар: «Как и все – наполовину жертва, наполовину сообщница». Если вы ненавидели отца; если вы сыты по горло тем, что вашу «этническую» фамилию произносят неправильно; если вы считаете, что для поисковой оптимизации лучше сменить фамилию, или хотите упростить себе жизнь, я вас понимаю. *Как и все, наполовину жертва, наполовину сообщница.* Феминизм должен быть озабочен не столько персональным выбором, сколько условиями, в которых этот выбор совершается.

История развода – это история борьбы женщин за то, чтобы быть в глазах закона полноправными гражданами. И это далеко не единственная битва феминизма на этом фронте. Борьба за право голоса, как мы увидим ниже, – еще один очевидный пример, но женщины сталкивались и с сотнями других, более мелких проявлений несправедливости. Попробуем пропустить по стаканчику в Лондоне – в 1982 году. Мне, пожалуйста, белого вина... но меня в этом баре не обслужат.

Потому что я женщина.

* * *

«Здесь собираются адвокаты, юристы и журналисты, чтобы посплетничать о законах за барной стойкой, – сказала Тесс Джилл, держа в руках чашку чая. – Обсуждение последних юридических слухов не для тебя, если ты всего лишь кроткая девушка за столиком в глубине зала». Она говорит о заведении El Vino на Флит-стрит в Лондоне. Рядом с этим баром сейчас находится Королевский суд, а тогда по соседству располагались редакции нескольких газет. До появления Джилл в El Vino бытовало любопытное правило. Там не обслуживали женщин за барной стойкой. Им приходилось садиться за столик в глубине заведения.

Феминистки утверждали, что это – нарушение Закона о дискриминации по половому признаку 1975 года. Окружной судья отклонил их первый иск как *de minimis* – недостаточно значимый для рассмотрения¹⁰. В 1982 году Джилл решила предпринять еще одну попытку вместе с Национальным советом по гражданским свободам.

На протяжении всего XX века в пабах и в рабочих клубах были строго ограничены места, где разрешалось выпить женщинам. «Когда я была в Манчестере, – сказала мне Джилл, –

¹⁰ Он, видимо, не знал, какую огромную символическую роль играла в движении за гражданские права в США борьба с расовой сегрегацией в ресторанах.

я видела, что женщины в барах сидят в специальном закутке на веранде, а мужчины – внутри. В рабочих клубах порой встречались нелепые правила: например, вокруг барной стойки был постелен линолеум, а женщинам разрешалось стоять только на ковре». Джилл была профсоюзной деятельницей, она вспоминает, что угрожала позвонить на BBC, когда один бармен в Ньюкасле отказался ее обслужить. Ему пришлось уступить.

Сегодня это последние бастионы сопротивления гендерному равноправию. На такие мужские клубы, как Garrick и White's, такие клубы для студентов, как Bullingdon Club, и такие обеденные залы, как Pratt's, не распространяется Закон о равных правах, и они могут оставаться сугубо мужскими¹¹. Женщины не могут вступать в большинство масонских лож (хотя трансженщины после смены пола могут оставаться там). В 2019 году гольф-клуб Muirfield – впервые за 275 лет своего существования – наконец принял 12 игроков-женщин. Тремя годами ранее гендерная политика клуба не позволила провести там открытый чемпионат по гольфу.

Это места встречи так называемого истеблишмента: политиков, журналистов, актеров, судей – или как минимум той его части, у кого есть яйца. Бенедикт Камбербэтч – в остальном он мне нравится, он носил футболку с надписью: «Так

¹¹ Надеюсь, вас, как и меня, порадует, что Иэн Дункан Смит – пожизненный почетный член Pratt's. Предположительно, в обеденном клубе Incompetent Twat, который он выбрал изначально, его внесли в черный список.

выглядит феминист» – постоянно упоминается как член закрытого мужского клуба Garrick. Представьте, что вы женщина-судья, – вы уже достаточно остро ощущаете, что такое быть меньшинством. И тут вдобавок вы узнаете, что ваши коллеги-мужчины посещают заведения, куда вам вход заказан. Да, существует и несколько закрытых женских клубов, но у них нет таких прочных традиций и они не столь эксклюзивны, как мужские. Смешно сравнивать женский басейн или Институт по проблемам женщин с масонской ложей, а ведь это обычная риторика сексистов. В любом случае упразднение нескольких женских клубов – небольшая плата за изменение закона.

В 1980-е годы правила, исключавшие присутствие женщин в определенных местах, были делом куда более обычным. Они так же фиксировали невысокий статус женщины, как и бракоразводное законодательство. Поэтому феминистки оспаривали подобные правила. Тесс Джилл принимала активное участие в работе лондонских феминистских групп, которые обычно устраивали домашние собрания, потому что у всех были дети. («Если кто-то не выполнял поручений (мы вели протокол), на следующую встречу он готовил штрафной шоколадный пудинг».) Тесс и ее подруга, журналистка Анна Кут, придумали, как лучше всего продемонстрировать абсурд правил El Vino и подготовить почву для судебного иска по Закону о гендерной дискриминации. Они пришли в бар утром, к 11:30, чтобы хозяин заведения не мог заявить,

что в обслуживании им отказали из-за того, что нет мест. Сначала вошли двое мужчин-свидетелей – «мы хотели, чтобы один из них надел килт, но он отказался»; затем к ним присоединились женщины. Свои портфели мужчины положили на стойку (одним из аргументов El Vino было то, что дамы своими сумочками захламляют поверхность стойки). Тесс и Анна поприветствовали друзей, заказали выпивку и выслушали предложение присесть за столик. «Мы сказали: "Спасибо, мы постоим", – похоже, тут они и почуяли неладное». Когда бармен отказался их обслужить, они ушли. У них было доказательство, что произошла дискриминация по половому признаку.

И снова окружной суд постановил: *de minimis*, ничего существенного. Активисты собрали денег для переноса дела в апелляционный суд. Судьям пришлось признать: двух девушек отказались обслужить в El Vino, участницы кампании настаивали, что имела место дискриминация. Они выиграли дело и отправились в бар в сопровождении фотографов. Там их *еще раз* отказались обслужить под тем предлогом, что это приведет к нарушению общественного порядка, и они вернулись в апелляционный суд, где получили судебное предписание, обязывающее злосчастный бар предоставить им выпивку. «На этом этапе мы решили: El Vino – последнее место, куда мы пойдем выпить», – рассказывала Джилл. В баре их пожизненно занесли в черный список, поскольку, как писали в газете, «ни один клиент не стоит 25 000 фунтов, потра-

ченных на адвокатов».

Джилл уже сталкивалась с негативной реакцией: дело и впрямь выглядело несущественным. (Сегодня ей бы сказали, что проблемы в баре «не сравнить с женским обрезанием», или посоветовали задуматься о положении женщин в Саудовской Аравии.) Не только окружной суд считал дело незначительным: в газетах писали, что шум подняли на пустом месте, – это, однако, не мешало репортерам подробно освещать события. Джилл показала мне вырезки из газет, которые хранила более тридцати лет; она разложила их у себя на коленях и на столе в уютной квартире на Бейкер-стрит. Я знала, что найду там словосочетание «прекрасный пол», но была игра слов и похуже, например «Дамы, вино и толпа». В окружном суде высокопоставленный адвокат выдвигал версию, что дамы *сами* не захотели ждать, когда их обслужат. Это плоский, снисходительный взгляд сверху вниз: доброта и галантность мужчин защищают женщину куда лучше, чем собственные деньги и наличие базовых прав. «Я уверен, вы бы не хотели тесниться в баре, полном народа», – сказал Джилл адвокат. «Я каждый день езжу в метро на работу», – ответила она.

Не только мужчины были настроены скептически. Один из злейших текстов написала «первая леди Флит-стрит», обозревательница Джин Рук. «На неделе мне звонила оголтелая феминистка с одной радиостанции в Лондоне; она хрипло пробасила, что в El Vino, винном баре на Флит-стрит,

нужно отметить событие: 40 лет там не ступала женская нога, а теперь женщинам наконец наливают по решению суда, – писала Джин в газете *Daily Express*. – Можно трезво признать: эмансипация женщин катится псу под хвост, если журналистки готовы вакханалией отмечать победу, которая не стоит выеденного яйца». Боюсь, на этом колкости не закончились. Джилл и ее подруги «взболтали кровавую Мэри», навлекли на себя всеобщее раздражение, а самую госпожу Рук заставили «краснеть винными пятнами стыда», потому что феминистки с Флит-стрит «раздули из мухи слона, опьяненные заголовками о том, как они Творят Историю».

Большая часть статьи Джин – отчаянная попытка доказать, что ничего серьезного, в сущности, не произошло. Конечно, у женщины, которая успешно существует в системе, есть все основания ее поддерживать. Но последняя фраза выдает Джин с головой: «Вы выставили себя на посмешище. Почему бы не договориться с мужчинами? Я никогда не испытывала с этим трудностей». Другими словами: *«Как можно говорить о систематической дискриминации, если у меня все отлично?»* Неважно, как часто это происходит вокруг. Джин Рук – это еще один тип неудобной женщины: она утверждает, что ее персональный опыт важнее, чем все факты, свидетельствующие об обратном. Ее текст напоминает нам о том, что феминизм – это не просто шпаргалка «о чем думают женщины», а политическое движение, добывающее-ся гендерного равенства.

Когда феминисток обвиняют в избыточном внимании к заурядным ситуациям, в действительности речь, как правило, идет о более серьезных принципах. То, что Тесс Джилл и Анну Кут не обслужили в баре, – ситуация симптоматичная в мире, где женщин считают вторым сортом. В 1974 году Джилл и Кут написали книгу «Права женщин: практическое руководство». В ней много поистине удивительных примеров. Правительства считали, что мужчины – кормильцы семьи, а женщины – хранительницы очага, и потому вполне логично, что мужчины финансово и юридически контролируют партнерш. Замужние женщины не заполняли налоговых деклараций – их доходы записывали в декларацию мужа. Поэтому и причитающийся женщинам возврат налогов отчисляли их мужьям. Выйдя замуж, «вы обнаружите, что лизинговые компании и арендодатели по-прежнему требуют документов за подписью вашего супруга». Согласно «правилу совместного проживания», когда жена начинала жить с мужем, ее лишали государственных льгот, даже если муж не поддерживал ее финансово. В главе о контрацепции говорится, что «в большинстве клиник принято спрашивать разрешения мужа, прежде чем поставить замужней женщине спираль или стерилизовать ее. Клиники оправдывают это тем, что врач должен быть защищен от судебных исков со стороны разгневанных мужей, которые захотят компенсации за то, что их жены потеряли способность рожать детей». И, конечно, «мужа не получится привлечь к ответственности,

если он принуждает вас к соитию... с точки зрения закона, выходя замуж, вы тем самым соглашаетесь заниматься с ним сексом в любое время, пока вы в браке»¹². Иммигранты могли привозить жен в Великобританию как иждивенков, но иммигранткам разрешалось привезти мужей только «в исключительных случаях». Впрочем, существовал особый тип визы для женщин: 12-месячное пребывание в стране было разрешено «гувернанткам», которые проживали в семье и выполняли домашнюю работу («Ни слова о гувернерах», – отмечают авторки).

Эта явная дискриминация считалась нормой еще в прошлом поколении. Ровесницы моей матери часто просили мужчин, чтобы они заверили их заявление на ипотеку. В 1974 году Джилл и Кут отмечают, что «в наши дни строительные компании стали гораздо разумнее, и немногие открыто признаются в дискриминации женщин». Уточним: законной дискриминации – книга вышла за год до принятия Закона о дискриминации по половому признаку. Три из двадцати пяти организаций, где проводилось исследование, заявили, что для обращения за ссудой женщине может потребоваться «гарант». Одна компания вообще отказалась выдавать кредит одинокой женщине, сославшись на «ограничения по квотам». Сложнее было получить ипотечную ссуду при наличии низкооплачиваемой работы – и, представьте се-

¹² Ситуацию изменило только прецедентное судебное дело 1991 года – в том же году был запущен космический телескоп «Хаббл» и первый веб-сайт. Безумие.

бе, такую работу выполняли преимущественно женщины.

Интересно, многие ли женщины помоложе знают об этом. Феминисток второй волны (конца 1960-х и 1970-х годов) сегодня часто насмешливо попрекают тем, что они привилегированные и зашоренные. Но именно эта волна сместила законодательные рамки, закреплявшие второстепенный статус женщины. Джилл и Кут дают советы, как вести переговоры с миграционной службой и навещать партнера в тюрьме. Тесс Джилл работала с лесбиянками, которые были лишены родительских прав по решению суда. Это вам не женский обеденный клуб. И если из сегодняшнего дня он может показаться таковым, то лишь потому, что усилия тысяч женщин – и жесткое противодействие им – оказались забыты. Для феминизма победа часто бывает горькой: новая реальность быстро начинает восприниматься как норма, затушевывая следы борьбы, которая к ней привела. Прогресс стирает прошлое.

Все достижения второй волны несли тот же смысл, что и борьба за возможность развода. Зависимые и юридически, и экономически женщины вынуждены были полагаться на мужчин – а те предоставляли им то, что считали нужным. В браке женщины сдавались на милость пьяниц, игроков и насильников. На работе их неохотно терпели – покуда они не создавали проблем и не требовали оплаты наравне с мужчинами. В барах – та же история. Женщины были как будто не вполне людьми.

В 2010 году группа судей рассматривала так называемое дело Радмахеров, касающееся брачного контракта. Такие контракты заключают богатые люди, чтобы защитить свое имущество после развода. Многие считают, что это несправедливо: как правило, более состоятельный супруг (или его семья) нанимает адвоката и подготавливает контракт. Второй же может не обладать средствами, чтобы нанять консультанта, и чувствует, что вынужден принимать те условия соглашения, которые ему выставлены.

В деле Радмахеров менее состоятельным супругом был мужчина, но в большинстве подобных случаев финансово слабой стороной оказывается женщина. Когда верховные судьи выносили решение по этому делу, их «взгляды исподлобья» выглядели несколько наигранно. Как писал один из судей, задача брачного контракта – «отказать экономически слабейшей стороне в том, что ей – обычно это все же она – причитается». А затем последний удар: «Конечно, существует гендерный аспект в решении таких вопросов, которые можно счесть неподходящими для коллегии судей, состоящей из восьми мужчин и одной женщины».

Такая резкость формулировок оправданна. Сегодня, спустя 180 лет после бракоразводного процесса Каролины Нортон, в котором все силы были на стороне мужчины, наше

законодательство по-прежнему находится в руках мужчин. Причем определенных мужчин. Более 70 % верховных судей получили образование в частных школах, тогда как по всей стране его получили всего 7 % населения. По состоянию на 1 апреля 2018 года только 6,8 % судей – представители этнических меньшинств. Две трети членов парламента, наших законодателей, – мужчины. По состоянию на апрель 2018 года только 29 % всех судей – женщины. В Верховном суде три женщины и девять мужчин.

Судья, процитированная ранее, – первая женщина в составе палаты лордов, которая работает в апелляционном суде. Она сделала карьеру по научной, а не традиционной судейской линии. В сентябре 2017 года она стала первой женщиной – председателем Верховного суда. Ее зовут Бренда Хейл.

Прочитав биографию леди Хейл, я отметила две вещи. Во-первых, она называет себя феминисткой: на ее гербе красуется надпись: «*Omnia Femina Aequissimae*» («Женщины равны со всеми»). Во-вторых, она разведена.

Как человек Бренда Хейл – это тихий ужас. Я познакомилась с ней в здании Верховного суда на Парламент-сквер, где находится ее кабинет, набитый фарфоровыми лягушками, – своего рода шутка для посвященных: второго мужа она описывала как сказочного «принца-лягушку».

Ее карьера напоминает нам, как быстро менялось общество. В 1966 году, когда она окончила юридический факуль-

тет, бракоразводное законодательство строилось на концепции вины и невиновности. К неудобным женщинам при разделе имущества относились более строго. По словам леди Хейл, считалось, что женщина «должна быть невинна, как овечка, чтобы получить от мужа хоть что-то; чем дальше она от абсолютной невинности, тем меньше ей причитается». Если жену можно упрекнуть в ворчливости, она рискует получить меньше. Я спросила, согласна ли она с тем, что бракоразводный процесс – это наказание, заставляющее обоих супругов ощутить себя неудачниками. «Нет, я не соглашусь, – ответила она. – Брак предполагает пожизненные обязательства, и развестись можно, лишь если произошло фундаментальное нарушение брачного контракта, – тогда вам как потерпевшему разрешено разорвать отношения с виновным. Так что, конечно, есть виновник и потерпевший».

В 1969 году раздельное проживание – нейтральное понятие – вошло в список оснований для развода, и идею «*матримониального* ущерба» упразднили. Сегодня, по мнению леди Хейл, главная проблема кроется в наследии старой законодательной системы. *Кажется*, что развод – это в первую очередь определение, кто прав, а кто виноват, но на деле система «и не пытается определить виновника. Поэтому многие считают ее несправедливой». Супруги должны договориться, кто возьмет на себя роль «безрассудного» или распутного, даже если у обоих есть любовники или они оба сделали брак невыносимым.

По мнению леди Хейл, должны существовать «разводы, в которых никто не виноват», просто оба супруга приняли решение завершить отношения. После 6 месяцев размышления они подписывают дополнительное соглашение, где подтверждают свое решение. Нет необходимости выяснять, кто кого бросил, кто с кем спал и кто с кем плохо обращался. Паре просто предоставляется развод.

Это напоминает нынешние основания для расторжения брака, не так ли? Нет, это не так. Развод, в котором никто не виноват, не нуждается в проверках и обоснованиях. Если сейчас основанием может быть «раздельное проживание», вам предстоит доказать, что вы *действительно* разъехались, – возможно, для этого потребуются закладные, банковские выписки и другие документы, и ваш партнер может это оспорить. Когда я просматривала руководства по феминизму 1970-х, меня поразил тот факт, что одной женщине не позволили развестись с мужем, поскольку он проживал с ней в соседней комнате и она продолжала ему готовить. Ее попытку мягко разорвать отношения с супругом, минимально травмировав детей, сочли поводом для отказа в расторжении брака.

Время для воплощения идеи разводов, в которых никто не виноват, пришло. Впрочем, такое ощущение существует уже почти 30 лет. В 1990 году в докладе Юридической комиссии было рекомендовано пересмотреть основания для развода, которые «запутывают и вводят в заблуждение». Су-

пруги не понимали искусственных категорий в законе, особенно когда те не имели ничего общего с истинными причинами расторжения брака. Без развода, в котором никто не виноват, происходила «дискриминация», потому что бедные семьи не могли проживать раздельно и тем самым обеспечить себе единственное основание для мирного развода. Возьмем семью с муниципальной недвижимостью, которую нельзя перераспределить до конца бракоразводного процесса. Как доказать факт раздельного проживания, если никто из супругов не может позволить себе отъезд? Супругов просили вести «раздельное хозяйство» под одной крышей – «самый неестественный образ жизни». В реальности «молодая мать с детьми, проживающая в муниципальном доме, вынуждена независимо от своего желания и возможного урона репутации разводиться на основании измены». Текущее законодательство способствует «умножению вражды и горя», в точности как во времена Каролины Нортон. К тому же оно не спасает браки и осложняет жизнь детям.

По словам леди Хейл, идею развода, в котором никто не виноват, критиковали за то, что она «ставит под вопрос саму традицию брака, и необходимо разводиться только на основании обвинений, поскольку в ином случае развод станет слишком легким и даже моральным делом». Впрочем, она отмечает, что получить развод сравнительно легко, если обе стороны согласны с его основанием. Это быстро, если одна

из сторон признается в измене¹³.

* * *

Когда я развелась, мне было ближе к тридцати, у меня были хорошие друзья, любящая семья и приличная работа. И все же это был опыт глубокого одиночества. Я приняла решение в декабре, и сразу встал вопрос: как быть с Рождеством? Кто же разводится перед Рождеством? И как найти себе жилье в праздники? Я осталась с мужем до января. Но это принесло свои сложности. Когда собираешься уйти, это отравляет любое взаимодействие с партнером. Ты лжешь тому, кто любит тебя и кого отчасти еще любишь сама.

Далее – практические соображения. У меня почти не было накоплений, их хватало только на оплату съемного жилья, после того как я проведу пару недель в свободной комнате у друзей. Они забрали меня из нашего бывшего дома на такси с вещами. Я сказала: все, что мне нужно, – это моя одежда и книги. Ведь это я все испортила, в конце концов. В первую ночь на новом месте я долго смотрела в окно на станцию Хайбери. В квартире не было занавесок. Я разделась в тем-

¹³ Гражданский или однополый брак нельзя расторгнуть на основании адюльтера. Согласно нашему законодательству, единственный вид секса, достаточный для разрыва брачного договора, – это старое доброе вагинальное проникновение. Как мы увидим позже, это часть устаревшего представления о том, что такое «нормальный» секс. Но в то же время это отличная новость для поклонников кунилингуса, которые остаются в браке.

ноте, надеясь, что в доме напротив не притаился извращенец в очках ночного видения. Я постоянно думала о других женщинах, которые сделали то же, что и я. Насколько труднее было бы разводиться с детьми. Насколько труднее уйти средь бела дня от партнера-насильника, который контролирует все. Насколько труднее уходить, имея совместный банковский счет. Насколько труднее вообще не иметь банковского счета.

Феминистки второй волны боролись за экономическую независимость женщин, и эта борьба еще не окончена. Программа всеобщего кредитования – флагманская реформа Иэна Дункана Смита, которая объединила шесть пособий в одно, – это откат назад. Она автоматически делает получателем пособия «главу семьи», что перечеркивает десятилетия феминистской агитации. В 1975 году, когда было введено пособие на ребенка, которое заменило семейное пособие, лейбористка Барбара Касл озабочилась тем, чтобы его получала мать ребенка. В палате общин Барбара предложила «новое универсальное, не целевое, не облагаемое налогом денежное пособие на детей, в том числе на первенца, которое выплачивается матери». В то время много говорили о том, что будет «проще» включить пособие по материнству в платежные ведомости кормильца семьи. Это означало бы, что почти в каждой семье получателем стал бы мужчина. Касл критиковала эту идею, потому что эти деньги могли бы облегчить жизнь женщинам, у которых к середине недели кончаются

«деньги на продукты». Пособие должно было попасть в дамскую сумочку, а не в мужской портфель. Так женщины, которые не имели оплачиваемой работы, получили бы немного собственных денег.

Сегодня мы часто говорим о том, как пострадали мужчины с сокращением объемов тяжелого ручного труда и других традиционно мужских видов деятельности. Однако мы должны честно признать, что львиная доля их ущерба связана с потерей статуса и власти, которые имел распоряжающийся финансами глава семейства. Можно заставить неудобную женщину быть удобной – не ругаться, не пересчитать, не подвергать сомнению ваши приоритеты, если сократить ее доход.

Барбара Касл жила в мире, где женщины-домохозяйки всю жизнь стояли с протянутой рукой. Если их мужьям платили каждую неделю, то им приходилось ждать, когда муж выдаст им деньги «на хозяйство» – оплату счетов и еду, а остальное оставит себе. При таком раскладе женщины не рассчитывали что-либо потратить на себя, а их партнеры, возможно, оставляли себе несколько фунтов на паб или букмекеров. Женщинам также было труднее уйти от мужа. Когда я писала о программе всеобщего кредитования, меня завалили историями о «деньгах на побег». Один человек рассказал мне, что после смерти его матери семья нашла в ящике стола тайник с деньгами. К счастью, он ей так и не понадобился – но она всегда знала, что «деньги на побег» суще-

ствуют. Мало кто употребляет это выражение в интернете. Оно принадлежит ушедшей эпохе, когда женщина, понимая, что характер партнера портится, алкоголь омрачает их жизнь или она больше не любит его, знала, что уйти ей будет сложно.

В январе 2016 года Полетт Перхак написала в журнал *The Billfold*, что означают «деньги на побег» для ее поколения. Она описала путь, по которому может пойти молодая женщина с приличной работой: завести кредитку, покупать дорогие сэндвичи на обед, позволять славному бойфренду оплачивать аренду, если вы живете вместе. А потом к тебе пристаёт начальник, твой парень слышит, что ты говоришь с другим мужчиной, – и ты отлетаешь к стенке в кафе, по пути сбивая столик.

Его мучает совесть, он даже плачет, так что этой ночью вы ложитесь в постель вместе. Ты смотришь в темноту и пытаешься подсчитать, как долго тебе придется откладывать деньги, чтобы от него съехать. Убедить себя, что он раскисает, что это просто случайность, стоит закрыть на это глаза, потому что он, в сущности, и не бил тебя, – кажется, это проще, чем найти деньги, учитывая, сколько ты зарабатываешь. И вот вы идете куда-нибудь вдвоем, он держит тебя за плечи, а ты смотришь на подруг и представляешь себе синяки, которые не видны под их длинными рукавами.

Перхак хочет, чтобы женщины нового поколения жили по другому сценарию. Если они носят дешевую одежду, бе-

ругут дополнительные смены и зарабатывают себе на жизнь, то могут делать сбережения. Это значит, что у них есть возможность уйти с работы, где к ним пристаёт начальник, и бросить агрессивного парня-собственника. Она называет это «да-пошел-ты-заначка». Ее текст стал вирусным, и, кроме положительных отзывов, на него появилось много критики. Как накопить «деньги, чтобы послать его подальше», если у вас нестабильная работа, дешевую одежду нужно покупать по кредитной карте и даже обычная респираторная инфекция или сломанный палец в Америке может обойтись в кругленькую сумму? И это существенные замечания. Не каждой девушке под силу накопить деньги, чтобы послать его подальше (но это нужно делать, если у вас есть такая возможность). Есть тут своя роль и у государства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.